

Иван Иванович Лажечников

Окопировался

Иван Лажечников
Окопировался

«Public Domain»

1854

Лажечников И. И.

Окопировался / И. И. Лажечников — «Public Domain», 1854

«Бедная комната. С одной стороны верстак; на стене висят столярные инструменты; в беспорядке валяются распиленные деревья; у другой стены шкафчик, над комодом, с посудой. Прямо и с обоих боков комнаты двери; одно окно; к стороне верстака две скамейки, к другой стороне столик, около него старый кожаный диван, такие же кресла, два стула и пьалы. приказные служители...»

Содержание

Действующие лица	5
Акт I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Иван Иванович Лажечников

Окопировался

Комедия в трех актах

Действующие лица

Марфа Осиповна Резинкина, вдова титулярного советника.

Александр Парфеныч, сын ее, канцелярский служитель.

Силай Ермилыч Мамаев, столяр.

Груня, дочь его.

Анна Семеновна Липина, помещица, пожилых лет девица.

Владимир Петрович Подснежников, молодой помещик.

Мавра Львовна Поддевкина, вдова приказного, лет пятидесяти с лишком.

Прасковья Степановна, дочь ее, лет тридцати, высокая, худощавая и рыжая.

Ксенофонт Кирыч Разнесенский.

Муха, Лососинин, Гривенничкин } приказные служители.

Слесарь.

Ванечка, слуга госпожи Липиной.

Дворовый человек.

Половой.

Кухарка Поддевкиной.

Мальчик и девочка, лет по девяти.

Шарманщик и с ним женщина.

Цыгане.

Действие происходит в губернском городе.

АКТ I

Бедная комната. С одной стороны верстак; на стене висят столярные инструменты; в беспорядке валяются распиленные деревья; у другой стены шкафчик, над комодом, с посудой. Прямо и с обоих боков комнаты двери; одно окно; к стороне верстака две скамейки, к другой стороне столик, около него старый кожаный диван, такие же кресла, два стула и пяльцы, приказные слуги.

Явление I

Груня (одна; сидит за работою – разматывает моток, навешенный на спинку стула; перед нею пяльцы; на пяльцах развернутая книга). Кажется, не сидишь сложа руки; часто заря утренняя застаёт за работой, а в доме ни рубля. Отложишь на приданое – подавай на провизию или... на вино. Господи! долго ли еще так будет?.. (Немного погодя.) Мне было так хорошо у моей крестной матери, так привольно... жила настоящей балованной барышней. Что ж, разве оставить мне было отца одного... при его слабости... Полно, нет ли еще чего, Груня? (Грозит пальцем.) А?... признайтесь... Виновата, тут еще кое-что привязало меня к этой бедной избушке. (Вздыхает.) Что-то замешкался Александр Парфеныч... Саша, душенька, идите же скорей!.. За что ж я люблю тебя? Правда, ты прехорошенький, добрый, угождаешь мне... зато необтесанный такой, с такими подъяческими ухватками, иное слово скажешь, бывает так стыдно, что в землю бы ушла... А все-таки люблю... что ж делать? рассудок запрещает, да тут (показывает на сердце) не слушается. Погодите, как будете моим муженьком, переделаю вас. Была же я простой девочкой, а теперь, по милости моей благодетельницы, слышу барышней. Посмотрите, как я примусь тогда муштровать вас. (Садится и задумывается.) Все мечты и мечты!.. Он из благородных, сын титулярного... мать говорит, она капитанша... а я – мещанка, дочь столяра... Только ровня мы оба тем, что бедны.

Явление II

Груня и Резинкин. Она притворяется, будто его не видит; Резинкин, держа букет в руках, подходит на цыпочках все ближе к ней и потом бросает букет на пяльцы.

Груня. Ах, как вы меня испугали!.. не ждала так рано. Благодарю за цветы. (Разбирает их и прикалывает часть на голову, а другую к груди.)

Резинкин. Здесь ваш и портрет – вот этот розанчик.

Груня. О! да вы какой стали сочинитель!

Резинкин. А за труды позвольте ручку... (Груня протягивает ему руку, он целует ее.) Ведь почти до зари лазил через палисадники... у почтмейстера караульные чуть не поколотили.

Груня (качая головой). Чужое?.. нехорошо... Смотрите, не наживите беды.

Резинкин. Для вас готов хоть сто палок выдержать.

Груня. Не говорите мне, пожалуйста, таких лакейских слов; разве нельзя как-нибудь иначе?

Резинкин. Нет, вы не знаете, Аграфена Силаевна, как я вас люблю. В канцелярии перегрыз все перья, думая об вас. А с каким душещепетным чувством вывожу букву «Г», которою начинается ваше рафинадное имечко: Груня! и вследствие этого люблю особенно писать: Господину Гражданскому Губернатору. Вчера крепко задумался об вас; переписал было его превосходительству рапорт об *искуплении* дров, хотел засыпать песком и вместо песочницы взял

чернильницу, да и бух... точь-в-точь, Черное море вывел. Столоначальник мой, добрейшая душа... и тот не вытерпел, сказал: «Эх, ты, братец, какая дура! Целый лист веленовой пропал». Все за вас, Аграфена Силаевна!

Груня. Разве я об вас менее думаю? Да что ж из этого? Весь переулочек Бог знает, что говорит об нас.

Резинкин. А вот переулочек прикусит язычок, да и целый город ахнет, как получу место письмоводителя станowego. Знаете, окопируюсь авантажно и поведу вас к венцу, в вуале, в кружевах, в фалбалах.

Груня. А маменька ваша?

Резинкин. Она будет согласна. Вообразите только, Аграфена Силаевна: письмоводитель станowego!.. Каково!.. Позвольте мне ваш моток на руки... этак вам ловчее.

Груня (*отдает моток и продолжает работу*). Очень одолжите. А разве это какая-нибудь важная должность?

Резинкин. Как же-с не важная? Важней-ей-шая! Вторая особа в стане!.. Письмоводитель и секретарь все равно, а секретарь, известное дело, всем ворочает. Вообразите только, мы приезжаем на даровой подводке в свой стан.

Груня. По важной должности надо бы колясочку.

Резинкин. Потихоньку, потихоньку... сперва начнем даровой подводой, а там дойдем до каменного дома в три этажа. Тут, в первой деревне, объявлю: я, дескать, письмоводитель станowego. В одно мгновение ока все селение переполошилось, точно губернатор приехал... Мужики и бабы, старики и ребята сбегаются смотреть на меня; все стоят передо мною без шапок. «А где ж староста и десятские?» – кричу я грозно.

Груня. Тише, тише, вы совсем запутались в нитках.

Резинкин (*распутав нитки, надевает моток на стул*). И вот староста и десятские, запыхавшись, бледные, как полотно, несут хлеб-соль, курочку, яичек, а вам, Аграфена Силаевна, ягодок... Для вас ягодки, понимаете-с? Я вам скажу-с, умный народ!.. «Куда ж яйца в дорогу?» – говорю я. «Пока вашему благородию запрягают лошадок, – говорит староста, – мы испечем их». Я вам скажу-с, сметливый народ!

Груня. На вашем месте я ничего бы не взяла с бедных мужиков.

Резинкин. Наши старшие приказные говорят: нельзя-с, в грош не будут ставить; прослывешь у них же простаком!.. Живей! лошадей, тройку с бубенчиками, а колокола не надо... есть свой. Надо вам признаться, Аграфена Силаевна, я уж и колокол припас... знатнейший, звон такой, все думаю, точно гусли... прямо с горы Валдая, где девки бублики продают.

Груня. То-то я слышу звон колокольчика, все думаю, какой приезд у Резинкиных! (*Показывает ему на локти его.*) Да что это у вас локти худые? Как не стыдно! Точно у нищего.

Резинкин. Что ж делать-с? от практики поистерлись.

Груня. Неужели вы так в свою канцелярию ходите?

Резинкин. Хожу-с.

Груня. А говорите еще, новый начальник у вас строгий? Что бы ко мне принес лоскутков каких суконных из старого платья; я бы с удовольствием починила.

Резинкин. Признаться, жилетка есть старая, да жаль... еще поношу под сюртуком.

Гривенничкин (*за окошком, стучит палочкой в стену*). Сашка! пора к должности... полно амуриться.

Груня. Господи! какой стыд!..

Резинкин. Негодяй! Уж я этого Гривенничкина... пожалуйюсь экзекутору.

Груня. Нет, нет, не делайте этого... и так довольно разговору. Ступайте и не показывайтесь мне на глаза целый день.

Явление III

Те же и Мамаев.

Мамаев. А? красноперый селезень!.. все около девки увивается... Держи ухо остро, брат, разом ошибу крылья.

Резинкин. Я... ничего-с... только с моим почтением, Силай Ермилыч, с хорошими мыслями.

Мамаев. То-то смотри, с хорошими мыслями! (*Подходит к Резинкину и говорит ему тихо.*) Нет ли, брат, двугривенного горло промочить?

Резинкин. Право хоть побожиться, нет, а как добуду нынче, матери не отдам, вам принесу. (*Уходя, тихо Груне.*) Бог с вами, Аграфена Силаевна, убиваете вы меня.

Явление IV

Мамаев и Груня.

Мамаев (*у верстака, лениво прилаживает рубанок*). В голове будто десяток пудов свинцу, на сердце мутит... руки словно мочалы... хоть бы со вчерашнего похмелья на двугривенный промочить. (*Груне.*) Все за книжкой, барышня?

Груня (*она перед этим бросила рукоделье и взяла с пялец книгу*). Читаю про одну девушку, Дженни Эйр, в «Отечественных Записках».

Мамаев. Отеческих!.. Чай, любовные какие записки!.. Набьешь себе голову этими пустяками, да и сама, пожалуй, пустишься в пашни. Смотри, раздавлю, как лягушку.

Груня. В этой книжке все хорошее: читаешь, будто сердцу отдаются слова покойной маменьки.

Мамаев. Хорошее? Знаем-ста!.. А все чернильная строка, Сашка, таскает тебе эту дрянь. Чай, подтибрил где-нибудь, али сорвал с кого!

Груня. Добрый сосед Александр Парфеныч одолжил, а взял он из казенного места, где служит; там выписывают; сам главный начальник хочет, чтобы приказные учились добру из этих книг.

Мамаев. Научили бы лучше, как денежку добывать. Ох, ох! проклятая полоса!.. тошно на белом свете жить!

Груня. Не гневите Господа. По милости Его и моей крестной матери, вы теперь человек вольный; дочь вашу научила она всякому рукоделью и грамоте... Я работаю, сколько сил есть... заказов у вас много... стоит вам только за работу приняться.

Мамаев. За работу? легко сказать!.. Заказные деньги пропиты... дерева не на что купить... руки с похмелья не поднимаются.

Груня. Зачем же вы это делаете?

Мамаев. Эх, Грунечка! с горя что ли после покойницы твоей матери, болеет что ли? Доктура говорят, червяк засел в сердце... все вина подавай ему... хоть бы двугривенный, опохмелиться, как бы с гуся вода! Нет ли, душечка, графинчик ты мой?

Груня. Право, нет.

Мамаев. Поищи, барышня, вишнебочка ты моя... не залежалось ли где?.. А то хоть руки на себя наложить.

Груня (*вставая, сквозь слезы*). Боже вас сохрани!.. У соседки разве занять... Думала взять на соль... ведь в доме зерна соли нет... только дайте слово: примитесь после того за работу.

Мамаев. Примусь... вот тебе... провалиться сквозь землю, примусь.

Груня (*ласкаясь к отцу*). Достану, только не говорите таких слов... (*Прислушивается.*) Кто-то подъехал... (*Бросается к окну.*) Карета четвероместная... Ах! она, наша благодетельница... Анна Семеновна... (*Бежит встречать приехавших.*)

Мамаев. Тут ее нелегкая принесла!.. Хоть умирай! Начнет опять рацею читать.

Явление V

Те же, Липина, мальчик и девочка. Мальчик одет в гусарское детское платье с золотой шифровкой; он нередко утирает рукавом нос; девочка в белом муслиновом платье (оба в продолжение явления пачкаются в стружках); крестьянка с грудным младенцем на руках и Ванечка, слуга Липиной, в ливрее с большою куклою за пазухой; он пьян, при входе тузит мальчика, а потом большею частью держится у стены.

Липина (*Груне, которая хочет поцеловать у ней руку*). Ты знаешь, душа моя, я этого не люблю... поцелуй меня так.

Груня. Какими судьбами здесь? удостоили нашу хижину?

Липина. А вот как, дружок. Ныне день ангела Пашеты, трехлетней дочери Кривлякина; еду поздравить ее, везу подарок. Человек нужный... А без того нельзя... все семейство уж так приучено, смотрит всегда в руки... Ванечка, подай-ка куклу. (*Слуга подает.*) Да где же верхнее платье на ней?

Ванечка. Почему я знаю!.. Знать, дорогой обронил... голова кругом пошла... солнцем что ли припекло.

Липина (*супреком, но ласково*). Как тебе не стыдно, Ванечка!.. Впрочем, я сама виновата... не подумала о парасоле... кукла не беда, куплю другую в магазине; а бедный, бедный Ванечка! Не было б горячки?

Мамаев. Нашему брату ничего-с, пройдет. Русачка бы: клин клином выбить.

Липина (*Груне*). Кстати, душа моя, вот привезла сюда этих злополучных. Мальчика отдаю в кантонисты; девочку, дочь трубочиста – в приют, грудного младенца – в сиротский дом, а женщину – туда ж в кормилицы.

Крестьянка. Воля твоя, сударка, а трех разом кормить не буду: и корову один теленок сосет.

Липина. Полно, полно, дружок, не будешь... я уж это на себя беру.

Груня. Бог вас наградит за них.

Липина. Если можно делать добро, делай его, облегчай участь человечества в той сфере, в которой поставлена, – это золотое правило Фенелона. Вот, если у почтенной дамы отекают ноги, я не постыжусь подставить ей скамеечку; право, подставляю. Пускай смеются! А я знаю про себя, что облегчила чем-нибудь бремя человечества. Кстати, графиня Надин пишет ко мне, спрашивает: что делает твоя воспитанница Груня, пристроила ли ты ее, замужем ли она?

Груня. Очень благодарна, что вспомнили меня, дочь столяра.

Липина. Дочь столяра?.. Ты моя крестная дочь, моя воспитанница!.. Нынче мещанка, а завтра – кто знает, что о тебе написано в книге судеб!.. А я тебе пророчу, ты будешь за дворянином, у которого шестьдесят душ... не смейся!.. Об этом после, по секрету... Ну, что твой папа, почтенный Ермилыч? По-прежнему? Кстати вам скажу, я Ванечку вылечила от пьянства по новой методе. Солнцем припекло, а то б посмотрели бы, какой молодец.

Мамаев (*в сторону*). Это видно, у пристенка насилу стоит. (*Дети дерутся из-за куклы, которую дал им Ванечка.*)

Липина. Милочки! полноте... Вспомните, душки, вы оба братья по человечеству, по несчастью – еще более. Надо братски друг с другом делиться. Лиза, ты поиграй немножко куклой, потом отдай Васе; Вася поиграет, отдаст опять Лизе.

Мамаев (*подходя к окну*). Какой-то барин сидит в карете, машет рукой.

Липина. Ах, я рассеянная какая!.. Молодой прекрасный человек сидит себе в карете... везу его к Кривлякину рекомендовать, и совсем забыла об нем. Дети, кормилица, ступайте себе в карету, а ты, Ванечка, проводи их, чтоб кормилка не оступилась с ребенком на гнилой лестнице. Скажи, сейчас дескать буду. (*Крестьянка, дети и Ванечка уходят.*) Ермилыч, поди к себе в каморку, мне нужно сказать Груне пару слов по секрету.

Мамаев (*про себя*). Видно, что-нибудь неспроста. Пригляжу сквозь щелку двери и подслушаю. (*Уходит направо в дверь, которую неплотно притворяет.*)

Явление VI

Липина и Груня.

Липина. По большому секрету, Груня... Знаешь молодого соседа моего, Подснежникова? Говори мне все, все чистосердечно, как матери.

Груня. Видела я его по праздникам в деревне, в приходской церкви; встретила раз с ним в роще... он наказывал мне разных нежностей – рассердилась; написал мне письмо, с теми же любезностями – я бросила в огонь; ездит часто мимо наших окон – я отхожу от окна; был у отца и заказал мебель – я ушла в чуланчик свой: вот и все.

Липина. Знаешь ли, дружок, Бог невидимо посылает тебе счастье!.. Я с ним познакомилась... Прекрасный молодой человек!.. скромненький, застенчивый, как девушка! А как добр! Кривлякина разыгрывала лотерею в пользу неизвестной – взял один десять билетов... Влюблен в тебя по уши... говорят мои люди, ни на что не посмотрит... Жених, что ни говори, жених!

Груня. Может ли быть? он помещик, а я...

Липина. Отец его не Бог знает какого знатного роду...

Груня. Все-таки я мещанка.

Липина. Эка беда! Прочти историю знатных и даже великих людей, ты увидишь, что хуже тебя попадают в большие барыни. Не ты будешь первая, не ты последняя.

Груня. Просто, хочет обмануть бедную девушку. Разве я также в книгах не читала, разве нет около нас примеров...

Липина. Ты не похожа на этих несчастных, я знаю, да и он не смотрит развратником.

Груня. Может быть, и прекрасный, благородный человек, да я...

Липина. Что? что? уж не...

Груня. Не скрою от вас... вы моя вторая мать... я... люблю другого... обещалась за него... (*вздыхает.*) Разве сам откажется!

Липина. Кто ж это такой?

Груня. Сосед Резинкин... служит в казенном месте... скоро ему дадут хорошую должность.

Липина. Смотри, ты была всегда такая восторженная!.. По мне пошла!.. Соседство!.. молодость... надо было кого любить... он попался первый.

Груня. Может быть, и правда; но вы знаете меня, если уж я слово дала...

Липина. Хоть убей тебя, не отступишься от него, знаю. Если так, не хочу разрывать союза двух любящих сердец. А я было думала так хорошо устроить... Остался один, сиротой, без отца, без матери, может в одиночестве погибнуть... начнет ходить в крестьянских хоровах, ездить на тройках с бубенчиками, стегать арапником по дороге встречных и поперечных... пропадет ни за что!.. Ты наполнила бы его жизнь, сберегла бы его состояние, а пуще

всего – душу от пороков... Сколько бы человечество тут выиграло!.. Но не хочу тебя огорчать. Подойди сюда, поближе... Вот тебе, милочка, бумажка.

Груня (*развертывая бумагу*). Пятьдесят рублей серебром!.. Мне...

Липина. Тс!.. услышит... не показывай, отнимет. (*Показывает на дверь*.) Береги на черный или на светлый день, ты меня понимаешь.

Груня (*хочет поцеловать у ней руку, Липина обнимает ее*). Добрая, бесценная Анна Семеновна! как уж вас назвать и не знаю.

Липина. Дала бы более, ты знаешь, я сама небогата.

Груня. Никогда у меня столько денег не было! Какое богатство! какое счастье! сберегу... никому не покажу... О, как я счастлива!

Липина. За это попрошу от тебя услуги; мне нужно послать тебя...

Груня. Приказывайте.

Липина. У кареты доскажу... теперь поспешу извиниться перед молодым человеком. Накинь шляпку и приходи скорей. (*Уходит*.)

Явление VII

Груня (*одна*). Какое неожиданное счастье! Саша, я на тебя более не сержусь. Прочь досада, прочь горе!.. Куда б припрятать?.. В кармане я и так гривенник потеряла. Да! в шкатулку, где лежит его заветное колечко... (*Идет к шкапчику, отпирает комод под ним, вынимает шкатулку, отпирает ее и кладет туда деньги*.) Тут будет безопасно. (*Запирает*.) Заперла... крепко... (*Запирает комод, кладет ключик себе в карман, бежит в дверь на левую сторону, тотчас возвращается из нее в шляпке и посылает издали поцелуй в ту сторону, где схоронены деньги*.) Прощай покуда, мое сокровище! Не увидишь ты света Божьего, пока не настанет для нас очень черный или очень светлый день. (*Только что она хочет растворить дверь, навстречу ей Подснежников*.)

Явление VIII

Подснежников и Груня.

Груня. Что вам угодно?

Подснежников (*загораживая ей дверь*). Анна Семеновна прислала меня к вам... за вами...

Груня. Если вы за мною, так позвольте пройти.

Подснежников. Вы знаете из письма моего...

Груня. Я не читала его и бросила в огонь.

Подснежников. Выслушайте, по крайней мере, что я вам скажу. Будьте сострадательны, у вас, говорят, доброе сердце... С того времени, как я вас увидел, я не имею спокойного дня, спокойной ночи; свет мне опостылел... Неужли вы захотите, чтоб я бросился в реку или застрелился?

Груня. Все, что вы говорите, я где-то читала в книжке. Чего вы хотите от меня?

Подснежников. Не будьте так жестоки, не отвергайте моей любви.

Груня. Я вас не понимаю и не хочу понимать.

Подснежников. Вам ли, с вашей красотой, с вашими достоинствами, жить в этой хижине? Вам сулил Бог высшую долю. Прилично ли вам заниматься низкой работою? У вас должны быть хоромы, экипажи, слуги... я сам буду первым слугою вашим.

Груня. Я привыкла жить в этом убогом домике; работа меня не тяготит, потому что работаю для отца, для себя... довольна, никому не жалуюсь на судьбу свою... впредь уповаю

на милости Бога, Которому мать, умирая, меня поручила... имя честной девушки дороже для меня всех сокровищ на свете.

Подснежников. Вспомните, что ждет отца вашего в старости... он и теперь едва может работать... хорошая дочь должна жертвовать всем для счастья своих родителей.

Груня. На этом не поймаете меня, Владимир Петрович. Теперь скажу, мы друг друга понимаем. Прошу оставить меня в покое, не то... я позову отца своего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.